

Алексей ГРОМЫКО

Заместитель директора Института Европы РАН,
руководитель европейских программ
Фонда «Русский мир»
alexey@gromyko.ru

Р
С

^ "US

Современная Россия ощущает себя, мыслит и действует в основном как европейская держава. Ее «европейскость» не связана с состоянием отношений с Европейским союзом или иными организациями к западу от российских границ. Быть русским европейцем - не значит считать безальтернативной политику встраивания России в какие-либо союзы и группировки, созданные в атлантической части Старого Света в период после окончания Второй мировой войны и до распада Советского Союза. Выстраивая внешнюю политику, Россия руководствуется представлением о том, что своей наиболее развитой и густонаселенной частью она располагает в Европе, что в последние три столетия ее политическая, дипломатическая, экономическая, научная и культурная история была связана прежде всего с этой частью мира. Россия - одна из крупнейших составляющих европейской цивилизации - распространила ее на миллионы квадратных километров от Уральских гор до Тихого океана, привнеся ее в свое время не только в Сибирь, но и на Дальний Восток и в Среднюю Азию.

Когда Россия шла на восток и на юг, она несла с собой европейский образ мышления и европейскую культуру, будучи сама одним из ее источников. Сравните Россию с Турцией, географическое расположение которой в чем-то схоже - меньшая часть территории на-

ходится в Европе, большая - в Азии. Однако в случае России речь всегда шла о «продлении Европы» с запада на восток; в случае Турции - о «продлении Азии» с востока на запад.

Опять же, «европейскость» России, а значит, и соответствующая природа ее внешней политики не означает, что у нашей страны нет интересов в других регионах мира. Отнюдь. Россия и немало других европейских держав в прошлом выстраивали империи, простиравшиеся далеко за границами географической Европы. Вся история последней была чередой действий по расширению и проникновению в другие цивилизационные ареалы. Трансрегиональные и глобальные амбиции не противоречат, а как раз подтверждают тезис о том, что Россия ведет себя как крупное (в данном случае - крупнейшее) европейское государство.

Вместе с тем в отличие от других государств Европы Россия уникальна тем, что ее собственная территория лежит преимущественно в Азии, где живут многие десятки коренных неевропейских народов, говорящих на неевропейских языках и исповедующих иные религии, нежели христианство. То, что и в XXI веке Россия сохранила в основном европейский характер своего мироощущения, - бесспорно, как и то, что она обладает ярким своеобразием, заключенным в многообразии этносов, культур и религий. Причем последнее - не бремя, а уникальное конкурентное преимущество по сравнению с другими европейскими странами. Последние, кстати, не говоря уже об амбициях Евросоюза, делают все, чтобы не утратить свое присутствие далеко за пределами ЕС. Посмотрите на такие инструменты «мягкой силы», как франкофония, лузофония, Британское Содружество наций и т. д. Россия же физически огромным пластом лежит в Азии, напрямую соприкасаясь, будь то по суше или по морю, с Турцией, Закавказьем, Средней Азией, Китаем, Монголией, Корейским полуостровом, Японией и т.д.

Перед современной внешней политикой России стоит задача по диверсификации. И это не некая экзотическая цель. Напротив, экзотикой было то, что в 1990-х годах Россия ушла из многих регионов мира, влияние в которых она затем с таким трудом стала возвращать себе по мере восстановления позиций, с такой бездарностью растраченных в конце XX века. Конечно, речь не идет о той степени стратегической глубины, которую мог позволить себе Советский Союз. Однако интересы России, занимающей одну восьмую территории планеты - со всеми находящимися здесь полезными ископаемыми,

человеческими, почвенными, лесными и водными ресурсами, - объективно требуют от нее стратегических отношений в Европе, Азии, на других континентах, иными словами - трансрегиональной внешней политики с элементами глобальности.

Да, внутренних проблем у нас - хоть отбавляй, но их решение требует не снижать активности внешней политики страны, а, наоборот, ее активизировать ради (в конечном счете) выполнения задач внутреннего развития. Если России умерить свои «амбиции» и прислушаться к голосам тех, кто призывает ее превратиться в «нормальную европейскую страну», перестать обращать внимание на региональные и глобальные проблемы, которые не имеют к ней непосредственного отношения, что должно произойти на практике? Она должна будет хотя бы добровольно сложить с себя статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. Действительно, зачем занимать это кресло государству, которое тяготится проблемами других регионов планеты? Могут сказать: «Но разве членство в СБ ООН противоречит тому, что в него входят «нормальные европейские страны», например Франция и Великобритания?» И слукавят, потому что ни та ни другая не считают себя таковыми, а делают все возможное, чтобы сохранить влияние в самых разных частях света.

Необходимость усилить восточный вектор внешней политики России не имеет ничего общего с идеей дистанцировать ее от Европы, что нелепо хотя бы потому, что нельзя дистанцироваться от самой себя. Теоретически можно смоделировать политический и экономический «разворот» России на Восток, подразумевая под этим также ее поворот спиной к остальной Европе. И аргументы вполне весомые - перемещение центра тяжести мировой политики и экономики из евроатлантики в АТР. Во-первых, такое перемещение, если продолжится, займет еще не один десяток лет.

Во-вторых, прямолинейно такие глобальные процессы не происходят и не приведут к маргинализации Европы и евроатлантики за счет Азии. Речь в условиях XXI столетия будет идти о переналадке баланса сил в мире, а не о возникновении новых центров гегемонии, об утверждении того самого многополярного мира, о котором столько говорят в последние годы. России в этих условиях выгодно сохранить и развивать свои позиции и на западе, и на востоке, и на юге. Ее стремление стать тихоокеанской державой не должно ослабить влияние России в Европе; напротив, усиливая здесь свою роль, она будет более привлекательным партнером для азиатских стран,

как не менее верно и обратное. Эти два вектора внешней политики должны рассматриваться как две стороны одной медали, то есть как цемент и песок для фундамента ее благополучия в новом столетии.

В-третьих, и главное - готова ли Россия к такому повороту, если даже он означал бы не смену стратегии развития - с европейской на азиатскую, а разумную диверсификацию? Готовы ли российское государство и общество осуществить такую масштабную задачу? Российская дипломатия прилагала в этом направлении немало усилий и в двусторонних отношениях с ведущими государствами АТР, и с региональными организациями. Саммит АТЭС во Владивостоке стал на сегодняшний день венцом этой работы. Тем не менее на дальнейшем ее пути стоят колоссальные трудности внутреннего, объективного характера: продолжается депопуляция Сибири и Дальнего Востока, львиная доля здешних природных ресурсов работают на европейские рынки, а не на азиатские, а мегапроектов (помимо осуществленных в связи с саммитом АТЭС) за Уралом не просматривается. Сколково, зимняя Олимпиада, чемпионаты мира по хоккею и футболу, создание международного финансового центра - все это прерогатива европейской части России. В ее азиатской части не строят новые города, заводы и аэропорты, не прокладывают скоростные железные дороги, пока в качестве экзотической воспринимается идея перенести столицу или хотя бы ряд столичных функций в Сибирь. Проект по расширению Москвы опять же поглотит огромные средства здесь, в европейской части страны.

В геополитическом смысле призывать Россию «идти на восток» или на юг - значит бороться с ветряными мельницами. В самом деле: чем, как не демонстрацией такого уже, фактически состоявшегося разворота стали проекты БРИКС (и формирование двусторонних стратегических отношений с каждым из членов этой организации), ШОС, ЕвразЭС, Евразийского экономического союза, происходящее встраивание России в различные структуры в АТР? Дело за тем, чтобы наполнять эти конструкции реальным промышленным, инфраструктурным, финансовым содержанием. Развитие большинства из них наглядно показывает, что для России дилемма «восток или запад» - ложная. Так, практически все интеграционные проекты на постсоветском пространстве, в которых она стремится играть лидирующую роль, включают как пространства к западу, так и югу и юго-востоку от ее границ, и России не обойтись без тех и без других. Реализуя такие проекты, Россия не отталкивает от себя

то или иное пространство за счет другого, а, напротив, стягивает их вместе. Будущее отношений России с такими соседями, как Украина и Белоруссия, пожалуй, не менее важно для нее, чем взаимодействие со всеми азиатскими странами вне постсоветского пространства вместе взятыми.

А если сузить понятие «европейской внешней политики» России до ее отношений с такими организациями, как Евросоюз, Совет Европы, НАТО? Не справедливым ли тогда становится тезис о необходимости стратегической переориентации с Запада на Восток? В самом деле, отношения со всеми из них переживают не лучшие времена, в Европе много «трудных» для России партнеров, именно отсюда вкупе с США чаще всего слышится критика России по тем или иным вопросам, именно там создается «европейская» (читай - американская) ПРО.

Однако, во-первых, отвернуться от проблем - не значит решить их, а, наоборот, - лишь усугубить. Хлопать дверью - вообще не признак зрелости и опытности дипломатии.

Во-вторых, сумма противоречий с европейскими партнерами нарастает по мере укрепления взаимодействия России с пространством ЕС, по мере прогресса, а не регресса в экономических, социальных, культурных связях. Закон жизни - чем теснее вы живете вместе, тем больше возникает не только положительных, но и негативных ситуаций, которые надо учиться решать путем компромисса.

В-третьих, проблемы восприятия России, в частности в Европе, связаны не только с недоброжелательностью извне, но с большим, пока еще нереализованным потенциалом использования «мягкой силы» самой Россией. И это отмечал Президент РФ в статье «Россия и меняющийся мир» и на встрече с дипломатическим корпусом России.

В-четвертых, опытная внешняя политика руководствуется реализмом и прагматизмом, а не эмоциями и сиюминутными настроениями. Ослабление Россией своей активности, в том числе дипломатической, на европейском направлении прежде всего не будет выгодно ей самой и пойдет вразрез с ее национальными интересами. Никто в обозримом будущем не отменит того факта, что рынок ЕС - ведущий для России, что оттуда она получает львиную долю прямых и портфельных инвестиций, как и выходит на международные рынки заемных средств; что в кооперации именно с европейскими деловыми партнерами создается большинство современных российских производств; что именно там Россия участвует в научных мегапроектах.

И, в-пятых, подчеркну еще раз: в глазах недавних или потенциальных политических и деловых партнеров России на Востоке и Юге привлекательность и ценность взаимодействия с ней в основном будет определяться ее ролью в «Большой Европе». Там «место под солнцем» Россия давно заняла, и речь идет о закреплении и расширении ее роли на новом историческом витке. А «место под солнцем» в АТР надо еще заполучить, доказывая свою состоятельность и востребованность. Причем прийти туда в качестве «европейского неудачника» и обиженного, который решил попытать судьбу в другом месте, вряд ли будет России на пользу.

Уверен, «Большая Европа» - тыл для России, обеспечив надежность которого она увеличит шансы на успех по продвижению в других регионах планеты, в первую очередь в АТР. Играть роль «вторых США» или «второго Китая» для нее было бы заблуждением: на это просто не хватит ресурсов, даже потенциальных, не говоря уже об имеющихся. Превратить себя в беспорного тяжеловеса в XXI веке Россия может, закрепив роль стратегического партнера ЕС и одновременно ядра интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Эти два вектора российской внешней политики будут не противоречить, а лишь усиливать друг друга. Если Россия серьезно хочет «идти в Азию», ей необходимо опереться на «Большую Европу». Настоящее почвенничество для современной России - не в том, чтобы противопоставить себя кому-либо в Европе или евроатлантике, а в том, чтобы использовать свою уникальную «европейскость», чтобы продвигать собственные интересы и на Западе, и на Востоке.

Ключевые слова: роль России в «Большой Европе», восточный вектор внешней политики России, АТР и Россия.